

П. Б. Клевцов

Социалистическая идея в контексте современности

Социалистическая идея все еще сохраняет свою актуальность. В XX в. мы наблюдали альтернативный прогресс, когда восточные страны стремились развиваться по собственному пути. Это стремление и проявилось в социализме.

Ключевые слова: социализм, социалистическая идея, прогресс, теория прогресса, альтернативный прогресс

Pavel Klevtsov

Socialist idea in a present context

Socialist idea is still relevansed. In XX century we have had an alternative progress, when eastern countries sought to develop on their own way. And that sought apparent in a socialism.

Keywords: socialism, socialist idea, progress, the theory of progress, alternative progress

Начну с перспектив, – я думаю, что социалистическая идея и в XXI в. сохранит свою актуальность. Любой политолог, независимо от теоретических убеждений, признает, что это так. Это просто факт современной политической жизни. Мы видим, что и в третьем мире, и в Европе начиная с середины 1990-х гг. в самых различных формах активизируются левые политические партии. В Англии и Германии социал-демократические партии занимают (или занимали до самого недавнего времени) господствующее положение. Движение «антиглобализма» (представители которого часто именуют себя по-другому – альтерглобалисты), распространенное во всех развитых странах, в том числе и в США, также основано на широкой коалиции левых сил (коммунистов, анархистов и других). Лидер Венесуэлы заявляет о «социализме XXI в.»; лидер повстанческих сил Мексики знаменитый субкоманданте Маркос также говорит о социализме¹.

Впрочем, все это относится еще только к «эмпирической» перспективности социализма в XXI в. Сам по себе факт относительной распространенности левых идей еще не предпрещает его теоретической оценки. Кто-то может, например, рассматривать этот феномен как временное остаточное явление или как тоже временную реакцию на проблемы современного капитализма, реакцию, которая не будет иметь значения в глобальном историческом контексте будущего. Поэтому данный вопрос сохраняет свою актуальность для науки.

Автор статьи считает, что социалистическая идея перспективна не только в эмпирическом смысле, но и в сущностном. Ниже я попытаюсь аргументировать свою позицию, впрочем, без претензии на всеобъемлющую концепцию.

Прежде всего, я хочу обратить внимание на то, что исторический социализм XX в., т. е. те общества, которые пытались построить социализм, в первую очередь СССР, все еще остается загадкой для научного познания. Мое (и не только мое) глубокое убеждение заключается в том, что современная наука делает только первые шаги в познании феномена социализма XX в. Конечно, эти шаги тоже очень важны, но воспринимать их как последние неверно. Здесь можно выделить несколько точек зрения, разных по своей распространенности.

В первую очередь, это знаменитая концепция Карла Поппера, высказанная им в книге «Открытое общество и его враги». Поппер утверждает, что в истории человечества произошла великая революция – переход от закрытого общества к открытому. Начался этот переход еще в Древней Греции. Закрытое общество характеризуется господством табу, конкретно-родственными связями, магическим сознанием. Открытое общество, напротив, связано с попыткой рационального изменения жизни, личной ответственностью, социальной мобильностью, абстрактностью социальных отношений². Исторический социализм Поппер рассматривает как попытку не улучшить современное капиталистическое общество, а вернуться в закрытое.

Надо признать, что эта позиция сегодня является самой распространенной. В современной российской науке ее фактически разделяют ученые М. Тартаковский и А. А. Ивин, занимающиеся данной проблемой. Последний в своей книге «Введение в философию истории» разрабатывает концепцию противостояния в истории двух типов обществ – индивидуалистического и коллективистического³. Посвятив основное внимание истории XX в., Ивин пишет, что в нем

индивидуалистические общества представлял Запад, а коллективистические – тоталитарные режимы Германии и СССР. Интересно, что, анализируя последние, Ивин проводит параллель между ними и средневековыми обществами.

Знаменательно, что все эти ученые, начиная с Поппера, не используют понятия прогресса. Если искать для их концепций некий онтологический каркас, то, скорее, придется вспомнить о зороастризме с его представлениями о борьбе сил добра и зла, где добро – открытое/индивидуалистическое общество, а зло – закрытое/коллективистическое. Кроме этого, очевидно, что Поппер, книга которого вышла в самом начале холодной войны, в 1945 г., просто спроецировал на мировую историю конфликт двух лагерей.

Конечно, отрицать относительную правоту этих концепций невозможно. Действительно, в общественно-политическом строе, экономике, культуре «социалистических» стран можно найти и магизм, и закрытость, и табуированное сознание, и коллективизм, особенно если сравнивать их с западной цивилизацией. Проблема, однако, в том, можем ли мы исчерпать данными характеристиками сложную сущность исторического социализма? В нем были элементы магического сознания, но ведь огромную роль играли и противоположные им элементы рационального сознания. Вспомним, за что больше всего критиковали «социалистическую» экономику – за тотальное планирование, но разве это не рационализм? Что касается коллективизма, здесь дело тоже обстоит не так просто. Известно, например, что в 1920-е гг. в Советской России была предельно упрощена процедура развода, разводы чуть ли не насаждались в консервативной крестьянской среде, а это никак не похоже на торжество коллективизма. Говоря о закрытости, следует помнить, что «социалистические» государства были закрытыми в отношении капитализма, но они были предельно открыты для стран своего лагеря. Больше того, они декларировали идею мировой революции, своеобразного «левого глобализма».

Можно с уверенностью сказать, что «социалистические» общества были закрытыми в попперовском смысле по сравнению именно с Западом, а по сравнению с традиционными восточными обществами они были, как это ни парадоксально, открытыми. Они насаждали светскую культуру, радикально отказывались от религии, декларировали развитие человека как высшую ценность, стремились рационализировать все сферы жизни общества и т. д. В этой связи интересно, что приехавший в Москву в 1937 г. и написавший книгу с аналогичным названием великий немецкий писатель Л. Фейхтвангер от-

мечал, что, с его точки зрения, советская система отличается от западной, прежде всего, тем, что она стремится все построить на разуме⁴.

Надо признать, что в основе теорий Поппера, Тартаковского, Ивина и других лежит все-таки желание вытеснить социализм из современной истории, поставить его на одну доску с архаическими обществами. Однако теоретически это невозможно.

Намного более перспективной является попытка понять исторический социализм с точки зрения прогресса, т. е. как своеобразную форму развития. Эти идеи развивает автор двухтомной «Социальной истории России» Б. Н. Миронов, а также автор данной статьи в своей кандидатской диссертации «Проблема смысла русской истории XX в.»⁵. В рамках этого подхода исторический социализм следует рассматривать как превращенную форму прогресса, конечной целью которого является то же западное общество. Однако путь к этому западному обществу в его современном виде в таких странах, как Россия и Китай, пролегает не через активность буржуазии, а через доминирование авторитарного/тоталитарного государства, опирающегося на рабоче-крестьянские массы.

В самом деле, «социалистические» общества осуществляют преобразования всех сфер жизни в целом в том направлении, в котором двигалась западная цивилизация в эпоху Нового времени. Фактически, перед нами ускоренный курс развития. В культуре происходит радикальный отказ от религии, распространение гуманистических идей (это факт, независимо от того, как мы оцениваем степень соответствия этим идеям практики тоталитарных режимов); в социальной жизни резко повышается мобильность, к власти приходят представители низов; экономика, конечно, построена не на принципе частной собственности, но не следует забывать, что целью этой экономики является создание материально-технической базы современного уровня. В сущности, на все эти моменты обращали внимание еще лидеры «социалистических» революций. В. И. Ленин писал, что в России данная революция решает, кроме прочего, еще и задачи буржуазной революции.

Объяснительная сила данной концепции достаточно велика. В ее рамках становится понятным не только появление, но и крах «социалистических» обществ. Появившись в истории XX в. как некий политико-идеологический и исторический компромисс между странами развитого капитализма и отсталыми странами, исторический социализм сходит со сцены, как только данные страны дорастают до уровня западных. Все сферы общественной жизни входят в состояние кризиса,

так как в них обостряется противоречие между замыслом и формой его исполнения. В культуре и политике это противоречия между декларацией свободы и подавлением человека со стороны государства; в экономике – противоречие между стремлением «догнать и перегнать» и реальным отставанием и т. д.

С моей точки зрения, данная концепция подходит к раскрытию феномена исторического социализма намного ближе, чем концепция «архаизации» социализма. Но это не значит, что прогрессистское понимание исторического социализма не оставляет вопросов.

Первый вопрос в следующем, – все-таки, не совсем понятно, почему, если исторический социализм оказался кружным путем к капитализму, нужно было совершать этот круг? По крайней мере, если оставаться на позициях теории прогресса, ответить на этот вопрос сложно. В конечном итоге, постсоветская Россия, разрушив «социализм», не открыла для себя капитализм, а именно *вернулась* в него, ведь хорошо известно, что дореволюционная Россия, с 1861 г., сохраняя некоторые черты феодального строя, была, тем не менее, капиталистической. Сохранение таких черт не делает общество феодальным, достаточно вспомнить Великобританию с ее монархией и отсутствием буржуазной конституции.

Второй вопрос также остается без ответа в рамках обсуждаемого подхода. Если теория социализма, в частности марксистская, – всего лишь идеологическая форма, удобная для переходного периода от традиционного к современному обществу для некоторых отсталых стран, почему тем не менее она появляется в самой Западной Европе во второй половине XIX в. и почему она открыто декларирует стремление преодолеть капитализм? Надо признать, что российское, китайское и другие аналогичные общества, выбирая социализм в качестве ориентирующей идеологии, фактически, выбирали прогрессивное развитие, но без негативных сторон, присущих капитализму.

Сегодня на этот вопрос дается определенный ответ, который считается общепринятым. Утверждают, что капитализма конца XIX в., который описывал К. Маркс в своей теории, уже не существует (так писал, в частности, Поппер), что он серьезно изменился, в том числе и в своем социальном облике. Безусловно, отчасти этот ответ верен – капиталистическая система, в определенном смысле, стала более сбалансированной; трудящиеся обеспечены некоторым минимумом социальных гарантий. Кроме этого, пролетариат вовлечен в процесс активного потребления, и уровень его жизни неизмеримо возрос по сравнению с XIX в. Таким образом,

следуя логике обсуждаемой концепции, можно сказать, что исторический социализм был переходной формой от феодализма к капитализму, но он включал в себя также антикапиталистические элементы, которые были связаны с «дикостью» капитализма той эпохи и которые перестали быть актуальными сегодня.

Однако этот ответ вряд ли нас устроит. Специалисты отмечают, что изменение капитализма в более благоприятную в социальном смысле сторону произошло за счет «смещения эксплуатации» из развитых стран в развивающиеся, в которых рабочие предприятий получают в несколько раз меньше, чем если бы они работали на Западе на тех же предприятиях. Плюс к этому, так называемое государство всеобщего благоденствия, социальное государство в Западной Европе, на которое любят ссылаться критики марксизма, на сегодняшний момент уже перестало существовать. В 1990-х гг., в условиях краха «социалистического» лагеря, значительная часть социальных льгот была упразднена. Мы видим, что распространенная точка зрения относительно актуальности марксизма только на момент рубежа XIX–XX в. во многом ошибочна⁶. Хотелось бы также обратить внимание на то, что капитализм охотнее шел на социальную амортизацию самого себя в то время, когда исторический социализм существовал.

Наконец, можно ли сводить протест против капитализма со стороны «социалистических» обществ только к теме бедственного положения рабочих? Вряд ли. Исторический социализм протестовал, прежде всего, против превращения человека в винтик капиталистической системы, против его деградации. Здесь я не могу не вспомнить великого русского писателя XX в. Андрея Платонова, который выразил свое понимание коммунизма в знаменитом романе «Чевенгур». Когда у председателя революционного комитета Чевенгура товарища Чепурного спрашивают, чем они занимаются в своей коммунистической общине, то он отвечает, что люди там живут. Это явный намек на то, что все прежние социальные системы, и капитализм в том числе, не давали человеку жить, превращая его в безликую функцию. Думается, что с этой точки зрения капитализм современный ничем не отличается от капитализма XIX в.

Таким образом, оставаясь только в рамках второго подхода к феномену исторического социализма, нам довольно сложно объяснить его радикальный антикапитализм.

Поэтому автор статьи предлагает третий вариант объяснения. Этот вариант можно назвать *концепцией альтернативного прогресса*. Замечу, что сама прогрессистская основа здесь

остаётся. Моя концепция подразумевает определённую реабилитацию исторического социализма как субъекта современной истории. Мы не имеем права дискредитировать исторический социализм, вытесняя его в отсталость, архаику или в превращённую форму перехода от феодализма к капитализму⁷.

По сути дела, анализируя XX в. мировой истории, мы сталкиваемся с феноменом, которого еще не было раньше. И все концепции, объясняющие эту эпоху, фактически, игнорируют это важное изменение. Если в эпоху Нового времени субъект активного исторического развития был один – Западная Европа, то именно в XX в. этот субъект начинает раздваиваться. Появляется второй субъект активного развития – исторический социализм. Конечно, «социалистические» страны по параметрам своего развития во многом отставали от Запада, но тем не менее никто не сможет отрицать, что именно взаимодействие, борьба, сосуществование двух лагерей составило сущность современной истории. Самое главное заключается в том, что отношения между Западом и «соцлагерем» уже нельзя было описывать только в терминах развитость/отсталость, хотя они сохранялись. Речь шла о том, что определенная часть мира, более отсталая, конечно, искала альтернативный путь развития.

Поэтому, с моей точки зрения, историю XX в. целесообразно воспринимать как альтернативный, раздваивающийся прогресс. Причем, как известно, сами адепты капитализма и исторического социализма были уверены, что одна из систем должна победить другую. Именно такое убеждение стало причиной многих как внешних, так и внутренних конфликтов в этих обществах. Кто знает, имели бы место массовые репрессии в СССР, если бы действительно не существовало пресловутого «капиталистического окружения»? Напала бы на СССР Германия, если бы в нем не было ненавистного Западу «большевизма»?

Современный человек, современный ученый должен понять, что, в сущности, мы не имеем права решать за то или иное общество, как оно должно развиваться, а как не должно. Единственным критерием оценки может быть гуманитарный критерий. Конечно, страны исторического социализма его нарушали, но, во-первых, как уже было упомянуто выше, это происходило в условиях жесткой блокады со стороны капитализма, во-вторых, репрессии имели спорадический характер. В конечном итоге, феномен массовых репрессий тоже не является окончательным приговором социалистической идее как таковой. Вспомним, что Французская революция в свое время также ужасала

мир своим террором, в том числе и просвещенный мир. Но история, тем не менее, развивалась благодаря этой революции. Современной буржуазии легко обвинять социалистов в кровавости и дикости, потому что сама буржуазия уже исторически миновала аналогичную стадию, уже давно укрепились в своем государственном статусе и превратилась из революционной – когда то – в консервативную силу.

Надо признать, что обе системы – и капиталистическая, и «социалистическая» – имеют как прогрессивные, так и реакционные черты. «Сдвигать шкаф» в пользу только одной из них невозможно. Капитализм – эффективная (по крайней мере, в принципе) экономическая система, кроме этого, в его рамках, если нет полной свободы человека, то, во всяком случае, есть свобода, насколько она вообще возможна на сегодняшний день. С другой стороны, главной проблемой капитализма остаётся подчиненность абсолютно всех сфер жизни человека и общества экономическому фактору. Больше того, эта подчиненность, по сравнению с эпохой Нового времени, стала намного более сильной, сложной, структурированной, всепроникающей.

Достоинство «социалистических» обществ заключается именно в том, что они предпринимают попытку освободить человека от этой тотальной подчиненности. Попытка эта отчасти удалась. «Социалистическим» обществом удалось снизить зависимость таких сфер, как политика, культура, общественная жизнь от экономики. Однако, как известно, субъект власти только изменился, но не исчез, перейдя от капиталистических корпораций к государству. С этим связано подавление человека государством в тоталитарных режимах, иногда принимавшее абсолютно бесчеловечные формы.

Капитализм объективно нуждался в преобразованиях, но и тот вариант, который представлял исторический социализм, в конечном итоге, был неприемлем. Это значит, что данное противоречие не было разрешено в XX в. и перешло в век XXI.

Капитализм и исторический социализм выступали в XX в. как две сосуществующие альтернативные системы. Между ними возникали очень сложные отношения, причем речь идет не только о внешних, например, экономических или политических связях, но и о внутренних, психологических. Интересно, что социализм, в определенном смысле, был мечтой капитализма, по крайней мере, так можно сказать о первой половине столетия. Во второй половине все изменилось – и капитализм стал мечтой социализма. Общественное сознание Запада и «социалистического» лагеря – словно два взаимодействующих

сосуда. Самовосприятие и восприятие другого тесно взаимосвязаны. В период революций и активного строительства «социализма» – мощнейшая вера в себя и неверие в капитализм, словно передающееся и самому капитализму, который как будто сам начинает ослабевать и сомневаться в самом себе. В период стагнации, национализма, «социалистической» империи – неверие в себя и все большая вера в капитализм, которая, опять-таки, передается и ему самому.

Итак, исторический социализм может восприниматься как альтернатива капитализму. Однако, как уже было упомянуто выше, теория социализма появляется в недрах капиталистической системы не в качестве ее альтернативы, а в качестве замены. Поэтому, если исходить из внутренней логики теории прогресса, социализм должен сменить капитализм. Здесь мы вплотную подходим к знаменитой формационной теории К. Маркса. Автор данной статьи не является ее сторонником, но полностью исключать возможность того, что она верна, мы не можем. В самом деле, в истории человечества мы видим, что одна эпоха сменяет другую, и это всегда идеологически выражается в отталкивании от предыдущей эпохи как устаревшей. Например, христианство «отталкивалось» от античности и становилось духовной культурой нарождающейся Европы; эпоха Нового времени, в свою очередь, «отталкивалась» от средневековья.

В этом смысле отношения капитализма и социализма получились несколько странными. В начале XX в. социализм «оттолкнулся» от капитализма (и вроде бы даже сам капитализм поставил на себе крест), но потом вдруг все поменялось, и капитализм возродился вновь. Некоторые современные российские марксисты (Б. Кагарлицкий, А. Тарасов) утверждают, что это изменение носит временный характер и что оно аналогично тем сложным процессам, которые были характерны в свое время и для буржуазных революций, которые то наступали, то отступали. Этот же циклизм во взаимоотношениях между старым и новым мы видим и сегодня. Я лично считаю, что эти рассуждения имеют свою логику, и мы не можем их отбрасывать. С другой стороны, как ученые, мы не можем и принять их, потому что пока они остаются только предположениями.

Что ждет нас в будущем?

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что в XXI в. мы вновь столкнемся с альтернативным прогрессом, с желанием тех или иных обществ развиваться по своему пути. Причем

речь идет не о каких-то второстепенных особенностях (например, культурных), а о стремлении изменить сами основы существующей системы. В этом смысле нужно обратить внимание на то, что Запад за последние пару десятилетий, с тех пор как были разрушены основные страны «социалистического» лагеря, стал намного более нетерпимым к такого рода попыткам, чем раньше. Нельзя забывать, что агрессивность некоторых современных государств третьего мира появляется в качестве ответа на агрессивность западных стран.

Во-вторых, не следует полностью исключать возможности замены капитализма социализмом. Как бы безумно это ни звучало, но следует помнить, что история никогда не стоит на месте, всегда идет вперед, развивается, то, что еще вчера казалось невысказанным, завтра будет казаться единственно возможным. Впрочем, и слепо верить в «светлое будущее социализма» тоже не стоит.

Наконец, в-третьих, если социализм и не заменит капитализма как систему, то очень вероятно будет сосуществовать с ним как альтернатива ему, и совсем не исключено усиление этой альтернативы.

В конечном итоге, какие у нас еще есть варианты? Либерализм? Но эта идеология отстает от прелести существующей системы, при том, что она находится в явном кризисе. Консерватизм? Сегодня это модно, но не более того, консерватизм призывает вообще не развиваться, а это невозможно и неинтересно для современного человека. Получается, что именно социализм выступает за развитие, но развитие в интересах самого человека.

Примечания

¹ См.: Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.

² Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, 1992. Т. 1: Чары Платона. 448 с.

³ Ивин А. А. Введение в философию истории. М.: Владос, 1997. 288 с.

⁴ Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М.: Захаров, 2001. 159 с.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; Клевцов П. Б. Проблема смысла русской истории XX в. СПб., 2002. Рукопись.

⁶ См.: Кагарлицкий Б. Ю. Указ. соч.

⁷ В этой связи я могу сказать, что пересматриваю те положения, которые защищал в 2002 г.